

ГТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.01.07
ЭОЖ /УДК/ UDC 930: (574)

<https://doi.org/10.51889/2959-6017.2026.88.1.034>

М.Г. Шолахов *¹

¹ PhD докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, Астана, e-mail: muri777@mail.ru

АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ХАНА ДЖАНИБЕКА

Аннотация

Цель настоящего исследования – комплексно проанализировать европейскую историографию, посвященную хану Джанибеку (1342–1357), и показать, каким образом его правление интерпретируется в контексте исламизации, политической централизации и культурной политики Золотой Орды. В качестве материалов используются европейские монографии и статьи, нумизматические исследования, музейные каталоги, а также нарративные источники, освещающие эпидемию чумы, деятельность джучидской элиты и внешнеполитические контакты улуса. Методологическая основа включает сравнительный историографический анализ, источниковедческую критику, элементы интеллектуальной истории и дискурс-анализа, что позволяет реконструировать логику формирования основных интерпретационных моделей эпохи Джанибека. Научная новизна заключается в систематической классификации европейских трактовок его правления (от образа «последнего сильного правителя» до фигуры, открывающей «эпоху кризиса») и в демонстрации зависимости этих трактовок от степени привлечения тюркоязычных и арабских источников. В статье предлагается активнее интегрировать казахстанские и шире тюркские исследования в европейское историографическое поле и пересмотреть традиционные схемы периодизации истории Золотой Орды. Основным выводом состоит в том, что эпоху Джанибека следует рассматривать не только как преддверие политического упадка, но и как ключевой этап идеологических и институциональных трансформаций Джучиева улуса. Анализ историографии хана Джанибека невозможен без привлечения российской историографии, поскольку она содержит значительный корпус источников и исследований, необходимых для комплексного рассмотрения данной проблемы.

Ключевые слова: Джанибек хан, Улус Джучи, Европейская историография, Исламизация, источниковедение, Золотая Орда.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках».

М.Г. Шолахов * ¹

¹ PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Қазақстан, Астана, e-mail: muri777@mail.ru

ЖӘНІБЕК ХАННЫҢ ЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ ТАЛДАУ

Аңдатпа

Зерттеудің мақсаты – хан Жәнібекке (1342–1357) қатысты еуропалық историографияны кешенді талдап, оның билігі Золотая Ордадағы исламдану, саяси орталықтану және мәдени саясат тұрғысынан қалай түсіндірілетінін көрсету. Материалдар ретінде еуропалық зерттеуші-лердің монографиялары мен мақалалары, нумизматикалық еңбектер, музей каталогтары, сондай-ақ оба індеті, Жошы ұрпақтарының элитасы және сыртқы саясат жөніндегі нарративтік деректер пайдаланылады. Зерттеу әдістері салыстырмалы тарихнамалық талдауды, дереккөздерді сын

тұрғысынан қарастыруды, интеллектуалдық тарих элементтерін және дискурс-талдауды қамтиды; бұл тәсілдер Жәнібек дәуірін сипаттайтын негізгі интерпретациялық үлгілердің қалыптасу логикасын қалпына келтіруге мүмкіндік береді. Жаңалығы – хан Жәнібек билігіне қатысты еуропалық тұжырымдарды бірнеше модельге бөліп жіктеу (мысалы, «соңғы қуатты билеуші», «дағдарыс кезеңінің басталу нүктесі») және олардың түркі және араб дереккөздерін пайдалану дәрежесіне тәуелділігін көрсету. Мақалада қазақстандық және жалпы түркітілдес зерттеулерді еуропалық историографиялық кеңістікке кеңінен енгізу, сондай-ақ Жошы Ұлысы тарихының дәстүрлі периодизациясын қайта қарау ұсынылады. Негізгі қорытынды – Жәнібек дәуірін тек құлдыраудың алдындағы кезең емес, Жошы ұлысының идеологиялық және институционалдық трансформациясының маңызды тораптық кезеңі ретінде қарастыру қажеттігі. Жәнібек хан тарихнамасын талдау ресейлік тарихнаманы ескермей мүмкін емес, өйткені бұл бағытта жинақталған деректер мен зерттеулер мәселені кешенді қарастыру үшін маңызды негіз болып табылатынын айтарлықтай маңызды негіз ретінде табылатынын айтарлықтай айтуға болады.

Түйін сөздер: Жәнібек хан, Жошы ұлысы, Еуропа тарихнамасы, исламдану, деректану, Алтын Орда.

Алғыс білдіру. *Зерттеу ИРН BR24992878 «XIII–XV ғасырлардағы Жошы ұлысының этносаяси және әлеуметтік-экономикалық тарихын зерттеу» жобасы аясында орындалды.*

M.G Sholakhov*

*1 PhD doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Kazakhstan, Astana, e-mail: muri777@mail.ru*

ANALYSIS OF EUROPEAN HISTORIOGRAPHY OF KHAN JANIBEK

Abstract

This article aims to provide a comprehensive analysis of European historiography on Khan Janibek (1342–1357) and to clarify how his reign has been interpreted in terms of Islamisation, political centralisation and cultural policy in the Golden Horde. The source base includes European monographs and journal articles, numismatic studies, museum catalogues, as well as narrative accounts dealing with the Black Death, the Jochid elite and the foreign relations of the ulus. The methodological framework combines comparative historiographical analysis, source criticism, elements of intellectual history and discourse analysis, which together make it possible to reconstruct the logic behind the main interpretative models applied to Janibek's reign. The novelty of the study lies in the systematic classification of European interpretations – ranging from the image of Janibek as the “last powerful ruler” to that of a figure inaugurating an “age of crisis” – and in demonstrating how these models depend on the extent to which Turkic and Arabic sources are used or ignored. The article further proposes a stronger integration of Kazakhstani and, more broadly, Turkic scholarship into the European historiographical field and calls for a revision of conventional periodisation schemes of Golden Horde history. It concludes that Janibek's reign should be viewed not merely as a prelude to political decline but as a crucial stage in the ideological and institutional transformation of the Jochid polity. In doing so, the study helps to reframe Janibek's rule as a productive lens for reassessing broader patterns in the political and intellectual history of the Mongol successor states. The historiographical analysis of Khan Janibek cannot be conducted without engaging with Russian historiography, as it provides a substantial body of sources and scholarship essential for a comprehensive examination of the subject.

Keywords: Janibek Khan, Jochid Ulus, European historiography, Islamization, source studies, Golden Horde.

Acknowledgments. *This research was carried out within the framework of the project IRN BR24992878 “Study of the ethno-political and socio-economic history of the Ulus of Jochi in the 13th–15th centuries.”*

Введение. Анализ европейской историографии хана Джанибека представляет собой важное направление в изучении политической и культурной истории Золотой Орды. В западноевропейской научной традиции фигура Джанибека рассматривается не только как правитель периода стабильности, но и как участник процессов исламизации и централизации власти в Золотой Орде. Внимание исследователей сосредоточено на его внутренней политике, религиозной деятельности, внешнеполитических инициативах и влиянии Мамлюкского Египта. Несмотря на ограниченность источников и сложность интерпретации восточных хроник, европейские историки XX–XXI веков предприняли попытки реконструкции образа Джанибека, обращаясь к дипломатическим, археологическим и нарративным данным. Цель данного исследования – проследить, как трансформировалось восприятие хана Джанибека в европейской историографии, какие нарративы доминировали в различные периоды и насколько критически оценивались религиозно-политические реформы этого правителя.

Материалы и методы исследования. При подготовке статьи использовались опубликованные источники и историографические исследования, охватывающие французскую, немецкую, русскую и английскую научные традиции, посвящённые истории Золотой Орды и фигуре хана Джанибека. Основное внимание было уделено анализу академических трудов, в которых отражаются различные подходы к оценке политической, религиозной и внешнеполитической деятельности Джанибека. Методологической основой послужил сравнительно-историографический анализ, направленный на выявление различий и общих черт в национальных историографиях, а также на прослеживание эволюции образа хана в контексте изменяющихся научных парадигм. Были использованы методы нарративного анализа, критики источников, а также контекстуального прочтения историографических текстов с учётом культурных, идеологических и академических условий, в которых формировались те или иные интерпретации.

Обсуждение и результаты. А. Грачев отмечал, что чеканка монет от имени Джанибек-хана велась в короткий период между 757 и 759 г.х.: в 757 г.х. он утвердил власть в Азербайджане, а уже в 759 г.х. эмир Вали овладел Астрабадом и начал выпуск анонимных монет. Монеты Джанибека, как и вассальные выпуски Буйан-Кули, вероятно, имели характер политической прокламации. Отсутствие упоминаний о завоевании Джурджана армией Джанибека при наличии описаний событий в Азербайджане позволяет предположить, что Джурджан лишь формально признавал власть Джучидов, а чеканка велась по инициативе местного правителя в целях собственной легитимации [1, с.101.].

Грачев также проанализировал поход Джанибека в Азербайджан [1356–1357 гг.]. Главной целью похода был контроль над южными торговыми путями, что позволяло укрепить казну Джучидов на фоне кризиса и сокращения торговли. Успеху похода также способствовали внутренний кризис Чобанидов, произвол Малика Ашрафа и широкое неприятие его владычества местными слоями общества. Психическая нестабильность Малика Ашрафа препятствовала организации эффективной обороны. Грачев также ставит вопрос о точной дате похода. Письменные источники указывают на 758 г.х., но нумизматические данные подтверждают, что поход был двухэтапным: первый – с 755 г.х., когда правитель Ширвана перешёл под сюзеренитет Джучидов, второй – с 757 г.х., когда войска перешли реку Куру и заняли Азербайджан. В ходе похода также чеканились монеты с именем Джанибека, что подтверждает эту датировку. Вопрос чеканки монет Бердибеком при живом Джанибеке остаются дискуссионными и нуждаются в дальнейшем изучении [2, с. 55-56.]. Ховорз отмечал, что успехи Джанибека в Азербайджане оказались недолговечными: назначенный им наместник Ахитшук вскоре был убит эмиром Шейхом Увайсом [3, с. 180.]. Этот эпизод, по мнению исследователя, свидетельствует о нестабильности власти Золотой Орды на периферии и о сопротивлении местной элиты попыткам централизованного контроля. Таким образом, кампания в Азербайджане, несмотря на первоначальные достижения, не привела к устойчивому укреплению ордынского влияния в регионе.

Французская исследовательница М. Фаверо, опираясь на данные средневекового автора Абу Бакра аль-Кутби аль-Ахри, отмечает, что последний восхвалял военную мощь Золотой Орды, утверждая, будто хан Джанибек собрал до 300 000 воинов. Современные исследователи рассматривают эту цифру как завышенную, полагая, что реальное количество войск составляло примерно треть от указанного. Тем не менее, вне зависимости от численности, кампания против Малика Ашрафа завершилась беспорным успехом. После утраты западных территорий Толуидами Джучиды стремились утвердить своё лидерство в рамках постмонгольской мировой системы. В ознаменование победы Джанибек приказал чеканить монеты со своим именем в Тебризе и направил хвалебное послание мамлюкскому султану. Возвратившись на Нижнюю Волгу с трофеями и пленными, он оставил своего сына Бердибека управлять Тебризом, регионом Азербайджана и его населением. Малик Ашраф был казнён, а большинство местных эмиров признали сюзеренитет Орды [4, 312.]. С учётом ослабленного состояния державы Ашрафа, для осуществления этой военной кампании Джанибеку было вполне достаточно и в пять раз меньших сил, чем утверждалось в источнике, а возможно – и ещё меньшего контингента.

«Жан Поль Ру отмечал, что Джанибек, в отличие от своего отца, был менее устойчив к влиянию мусульманского фанатизма, хотя при этом понимал значение сохранения покровительства своим христианским вассалам и предоставления им всех необходимых гарантий. В то время, по его наблюдениям, представители ислама в Орде полагали, что настал момент окончательно покорить христиан [5, с. 487.]. Такая точка зрения представляет собой своего рода идеологизированное восприятие событий, концентрируя внимание на религиозном факторе, тогда как монгольская верхушка лишь поверхностно восприняла ислам и вовсе не являлась главными инициаторами подобных процессов.

Украинский историк Ю. Пилипчук отметил, что хан Тыныбек, а позднее и Джанибек вовсе не интересовались событиями в Европе [6, с.75.]. «Джанибек сосредоточил внимание прежде всего на Хулагуидах, поскольку на их территориях уже существовала сформированная монгольская государственная структура, что облегчало установление и укрепление власти. Европейские земли в то время представлялись ему второстепенной целью, так как находились значительно дальше, отличались политическим устройством и не были напрямую вовлечены в борьбу за господство внутри системы Чингизидов». Далее Пилипчук указывает на лишь косвенное влияние Джанибека на Европу: 1) Любарт-Дмитрий стал князем с санкции Узбек-хана, что означало не ликвидацию Галицко-Волынского государства, а лишь смену правящей династии. Он владел Берестейщиной и Восточной Волынью, платил хану дань и предоставлял военную помощь, в том числе в походах на Польшу и Венгрию (1340–1341). 2) Джанибек же проводил иную политику. Польский король Казимир III согласился платить дань с Галичины, что обеспечило ему покровительство Джанибека. В ходе войны с Польшей (1352) хан вторгся в Галичину, но главными его целями были Каффа и Азербайджан. Волынские Гедиминовичи, в отличие от других князей, не расширяли свои земли за счет Улуса Джучи и находились на его периферии [6, с. 75.]. Без сомнений, это стало стратегической ошибкой для Золотой Орды. Когда она потеряла инициативу на Западе и концентрировалась на других направлениях, смежные государства – Литва, Польша, Московское княжество — укрепились и набрали силы. В дальнейшем это позволило им потеснить Орду, освободиться из-под ее влияния и перейти к активной экспансии на земли, которые прежде находились под владычеством монголов. Отказ Золотой Орды концентрировать внимание на Западе явился одним из факторов ее ослабления и потери доминирования в Восточной Европе. Когда Османская империя, наоборот, вовремя поняла значение контроля над Балканами и Юго-Восточной Европой, это позволило ей укрепиться и превратиться в главнейшую средиземноморскую державу. Золотая Орда такого выбора не сделала – концентрировалась на других направлениях, что и стало одной из причин потери влияния на Западе и появления других центров силы. Концентрируя внимание на Юго-

Восточную Европу, Улус Джучи мог бы сохранить лидерство и влияние на континенте, но такого курса при Джанибеке и его преемниках не произошло.

Шпулер также полагал, что восшествие на престол Джанибека стало болезненным ударом для папского двора, поскольку, несмотря на призывы папы Климента VI сохранить веротерпимость, традиционное покровительство других вер препятствовало укреплению влияния католической миссии. Будучи ревностным мусульманином, он, несмотря на призывы нового римского папы Климента VI (1342–1352) сохранить традиционную терпимость к христианам, начал решительно препятствовать миссионерской деятельности францисканцев. С восшествием Джанибека на престол окончательно отпала надежда на обращение ханов Золотой Орды и, следовательно, большинства их подданных в христианскую веру. [7, с. 263-264]». Препятствия, чинимые Джанибеком католической миссии, были результатом комплекса факторов — повышения политической консолидации, повышения роли ислама в легитимности владыки и желания нейтрализовать внешнее влияние — что позволяло хану концентрировать власть и укреплять суверенитет государства. Рене Груссе отмечал, что именно при Джанибеке завершилась процессуальная исламизация Орды, когда прежняя религиозная терпимость чингизидов уступила место жёсткой версии ислама мамлюков. Он подчёркивал, что новая волна исламизации неразрывно связана с проявлениями враждебности к «западным» элементам, а влияние мамлюкского Египта стало чувствоваться во всех сферах политической и социальной жизни Золотой Орды [8, с. 422].

«Монголы даже после правления Узбека продолжали придерживаться принципа религиозной толерантности. В частности, с 1330 года было официально запрещено всякое оскорбление архиереев со стороны администрации Сарая – об этом пишет Шпулер. Однако к 1343 году, при правлении Джанибека, наблюдалось смещение акцентов в политике: хан издал грамоту, предусматривающую ряд ограничений на освобождение церковнослужителей от налогов, при чём при принятии такого рода распоряжений власть всё меньше ссылалась на старинный монгольский закон – Ясу. В случаях ограбления церковнослужителей, при определённых обстоятельствах функция верховной судебной инстанции возлагалась на самого хана. Впрочем, эти правила и льготы на освобождение от налогов не всегда тщательно соблюдались, что потребовало их подтверждения со стороны супруги хана Узбека – Тайдулы – 4 февраля 1351 года [7, с. 202].» «Такое давление, вероятно, стало следствием войны с итальянскими городами, а также общей слабости экономики Орды. В подобных условиях хан Джанибек был вынужден пересмотреть налоговые отношения с церковнослужителями, что позволяло смягчать финансовый дефицит и концентрировать ресурсы на других приоритетных задачах государства. Шпулер отмечал влияние Тайдулы на Джанибека и на политические решения хана. Джанибек был сильно привязан к своей матери – больше, чем другие ханы Улуса Джучи, – либо же сама Тайдула обладала особой тягой к власти. Историк Ю. Почекаев указывает, что именно при Джанибеке Орда оказалась в условиях политического кризиса; он также стал первым ханом, обложившим русскую церковь налогами и сборами. Однако, несмотря на это, в русских летописях он упоминается как «добрый хан» [9, с. 128.]»

«Яса Чингисхана предусматривала освобождение лиц духовного звания всех вероисповеданий от налогового бремени. Однако при правлении хана Джанибека возникла юридико-религиозная коллизия: с одной стороны, монгольское обычное право (Яса) подтверждало эту норму, с другой — исламский шариат предписывал обложение джизьей лиц других вероисповеданий из числа «ахль аль-китаб» (Людей Писание). Эти расхождения в правовых системах явились одной из причин изменения налоговой политики при Джанибеке. В ходе своего правления хан ввёл практику взимания налогов с лиц других вероисповеданий, что явилось прямым проявлением столкновения норм Чингисхана с требованиями ислама и показало смещение акцентов владыки Золотой Орды в сторону норм шариата.» «Джанибек ясно осознавал наличие противоречия между нормами монгольской ясы и требованиями исламского шариата, что диктовало потребность в правовых реформах. В ходе своего правления он

предпринял меры по смягчению такого противостояния, внедрив изменения в налогово-правовые практики с целью привести государственное устройство Золотой Орды в соответствие с нормами ислама и потребностями общества. Скорее всего, именно исламские советники хана пытались легитимировать джизью – налог, взимаемый с немусульман.

«Русская исследовательница из Казахстана Ерофеева проанализировала образ хана Джанибека в устной традиции казахов. Она показала, что долгое время героев фольклора ошибочно отождествляли с Жанибеком — правителем Казахского ханства (сыном хана Барака). Однако анализ былин и преданий подтверждает, что речь идет о его тезке — могущественном правителе Золотой Орды, сыне хана Узбека [10, с.157.]. Казахский поэт XIX века Мурат Мункелы действительно слагал стихи про Жанибека хана Улуса Джучи;

*«Алты жыл балишық бастырып,
Тогыз жыл керіш соқтырып,
Сусыннын шайга қандырып,
Хандығына жұртын нандырып,
Адыра қалғыр, Аштархан,
Әз-Жәнібек хан салдырып,
Ақылын кәуірге алдырып,
Айласын құрып кеткен жер»* – что в переводе на русский звучит так:

*«Шесть лет месил глину,
Девять лет возводил стены,
Жажду свою утолил чаем,
Народ свой в ханство обратил.
Город Астрахань, покинутый судьбой,
Хан Джанибек возвёл,
Разум свой неверными смутил [11, с. 23.]»*

Хитрость иссякла на той земле». Однако с помощью такого поэтического текста нельзя с точностью установить, был ли Астрахань основан самим Джанибеком но мог сыграть важную роль в её укреплении, расширении или превращении в центр власти. Следуя традиции монгольских правителей, в особенности Бату и Берке, которые закрепляли свою власть через основание новых столичных центров (Сарай-Бату и Сарай-Берке соответственно), хан Жанибек, вероятно, стремился утвердить свою легитимность аналогичным способом. На этом фоне выдвигается гипотеза, что город Астрахань мог быть либо основан, либо существенно перестроен именно в его правление. Археологические данные пока не дают однозначного ответа о точной дате основания Астрахани, однако косвенные свидетельства позволяют датировать её возникновение именно серединой XIV века – временем, когда хан Жанибек укреплял централизованную власть. Таким образом, если даже Астрахань не была основана Жанибеком, она вполне могла стать результатом его градостроительной политики, аналогичной инициативам его предшественников. Вероятнее всего, здесь подразумевается астраханский хан Джанбек, а не ордынский хан Джанибек, поскольку в ряде работ эти фигуры смешиваются и отождествляются. Ерофеева не в полной мере учитывала, что в источниках фигурируют несколько исторических деятелей с именем Джанибек, относящихся к различным политическим образованиям. В частности, следует различать казахского хана Жанибека, золотоордынского хана Джанибека, а также астраханского хана Джанибека; кроме того, это имя встречается и в узбекской среде. Игнорирование этих различий может приводить к смешению исторических контекстов.

Питер Франкопан также указывает на то, что в 1342 г. отношения городов-соперников – Генуи и Венеции – приобрели новый характер, и обе стороны стремились подорвать позиции друг друга. После убийства западными купцами одного из высокопоставленных подданных Джанибека правитель Улуса Джучи предпринял меры против обоих государств: он приказал заключать латинян в тюрьмы, а также ввёл запрет на торговлю и вывоз зерна. Исследователь напрямую не возлагает на Джанибека ответственность за распространение чумы, но намекает

на то, что заключение мира с Генуей и Венецией с Улусом Джучи не только разблокировало торговлю, но и содействовало проникновению инфекции [12, с. 311].

Джанибек присутствует на Каталонском атласе 1375 года: на карте монгольское государство Золотая Орда точно показано к северу от Каспийского моря. В атласе хан назван «Джамбех, сеньор де Сара», а также воспроизводится флаг Золотой Орды [13, с.29]. На изображении атласа Джанибек представлен с европейскими чертами лица – что не соответствует его реальному облику и этнической принадлежности. Этот факт отражает средневековое восприятие Востока европейскими картографами, которые воспроизводили образы правителей других народов с помощью привычных им визуальных деталей, что и стало причиной подобных неточностей. Изображение хана Джанибека в чалме, вероятно, имеет под собой основание. Как указывает Ю. Почекаев, арабские хронисты сообщают, что Джанибек активно занимался исламским строительством – возводил мечети, поддерживал медресе и ученых, поощрял эмирскую молодежь к изучению богословия. Более того, он издал указ, обязывающий ордынскую знать носить чалмы и фараджийят — традиционную длинную мусульманскую одежду. Несмотря на несоответствие тюрко-монгольским обычаям, это распоряжение было приведено в исполнение [9, с. 130]. Хан смог обязать представителей элиты носить мусульманскую одежду, указывает на отсутствие серьёзной антиисламской оппозиции внутри правящего слоя. Религиозная идентичность орды в этот период уже не вызывала споров и воспринималась как норма.

Историк Никола де Космо отмечал, что итальянцы дважды были изгнаны из Золотой Орды, и торговля была прервана: в 1308 году (до 1315) по приказу хана Токты (гг. правл. 1291–1312) и в 1343 году по приказу Джанибека (гг. правл. 1341–1357). В обоих случаях реакция монголов была вызвана реальными или предполагаемыми юридическими нарушениями со стороны самих итальянцев [14 с.788–789].

Примерно в 1342–1343 гг. (743 г.х.) при дворе Золотой Орды начинает использоваться титул «хакан» (ḥāqān) с эпитетом «al-ḥāqān al-‘ādil» — «справедливый каган». Этот титул носили лишь двое правителей — Джанибек и Токтамыш — что позволяет говорить об уникальности такого титула в контексте среднеазиатской традиционной системы владычества [7, с. 283]. Использование «хакан» являет собой явное возвышение правителя до уровня верховного владыки всех чингизидских земель, что, с одной стороны, восходит к монгольской традиционной концепции верховной власти, с другой – легитимируется с помощью исламского эпитета «al-‘ādil», что говорит о смещении акцента с сугубо монгольских легитимирующих норм на смешанные, среднеазиатско-исламские. Не менее показательным, что исключительно на закавказских монетах Токтамыша, чеканённых около 1389–1391 гг., присутствует титул «bahādūr» — «герой», «богатырь». Судя по всему, эту форму правитель принял после серии побед на Кавказе, что подтверждает точку зрения некоторых исследователей о ситуативности такого титула, его связи с укреплением владыки на покорённых территориях и с целью повышения своего легитимно-монархического статуса. Ещё одним уникальным случаем является употребление титула «al-malik al-‘ādil» («справедливый владыка»), которое, помимо Джанибека, засвидетельствовано лишь на монетах 1371–1372 гг. (773 г.х.) [7 с., 283]. Именно при Джанибеке начинается процесс полного потюркивания монголов. Имена Өзбек, Джанибек, Бердибек были нетипичными для монголов и отражали восприятие тюрко-мусульманских титулов. Эти имена сохранились у современных казахов и ногайцев, что подтверждает тюркизацию монгольской верхушки. Немецкий историк Йозеф фон Хаммер-Пургшталь указывал, что имя «Джанибек» на персидском языке может трактоваться как «князь духов» [3, с.179]. Имя Джанибек на казахском состоит из двух частей: «жан», что в тюркско-арабской традиции означает «душа», «дух» или «жизнь», и «бек» — древнетюркское слово, означающее «вождь», «господин» или «правитель». В целом имя можно истолковать как «правитель души», «духовный господин» или «властелин жизни. Это свидетельствует о том, что, несмотря на принадлежность к разным языковым семьям, тюрки и персы находились в тесном культурно-лингвистическом взаимодействии. Впоследствии, в условиях исламизации, монголы перенимали иранизмы от

тюркских народов. Ф. Шпулер отмечал, что хан Жанибек присоединил к своему имени элемент «Махмуд», являющийся архаичной формой имени «Мухаммад» и указывающий на стремление к подвижнической, благочестивой жизни [15, с. 21].

В среде Золотой Орды такого рода титулатура концентрируется вокруг правителей, которые стремились легитимировать свою власть с помощью норм ислама и традиционной монгольской легитимности одновременно. Эти изменения титулатуры являются показателями смещающегося акцента легитимности верховной власти: владыка пытается соединить традиционные монгольские конструкции с исламскими нормами владычества. Если хан Узбек ввёл ислам в качестве государственной веры, сохранив при этом верность нормам Яасы Чингисхана, то Джанибек, наоборот, начинает явно дистанцироваться от старомонгольских принципов, всё теснее ассоциируя себя с миром ислама. Эти изменения, с одной стороны, подтверждает наличие процесса акультурации монгольской верхушки и повышения роли ислама в легитимности правителя, с другой – указывает на борьбу внутри самой Орды по вопросу соотношения старинных норм Чингисхана и новых, выстроенных на традиционных институтах ислама.

Британский историк Д. Лейн приводит слова Хондемира, который характеризовал Джанибека как справедливого, сострадательного и тщательно следующего религиозным предписаниям правителя. Хондемир также пишет, что Джанибек открыл двери своей столицы Сарая для религиозных деятелей и ученых-изгнанников, превратив город в образовательный центр, где покровительствовал таким людям, как Саад ад-Дин ат-Тафтазани, посвятившему ему ряд сочинений. Джанибек стремился изобразить свою активность на Западе и в Крыму, а также вторжения в Иран и Среднюю Азию, как борьбу за объединение чингизидских улусов. «Я иду покорять улус Хулагу. Сегодня три улуса находятся под моей властью» [16, с.137.]. Точку Лейна подтверждают и турецкие источники: Джанибек был справедливым правителем, обладателем религиозных знаний, любившим науку и учёных, таких как Кутб ад-дин Рази, Са'д ад-дин ат-Тафтазани, который составил специально для него «Шарх ал-мухтасар» в 757/1356 году, а также Хафиз ад-дин Рази, Ахмад аль-Худжанди и другие. К нему стремились приехать деятели науки, в результате чего он наполнил столичный город Сарай. Он же отправился в Азербайджан в 758/1363–1364 году — так сообщается в «Хабиб ас-сийар». Аль-Джанаби передаёт: «Это случилось в пределах 765/1363–1364 года. Единственно Аллах ведает истину». Далее сообщается о победе Джанибека над Ашрафом. Оставив Азербайджан своему сыну Тыныбеку, хан через год скончался. После его смерти участились выступления, продолжавшиеся до тех пор, пока Урус хан не стал самостоятельным. Здесь заканчиваются слова аль-Джанаби [17, с. 313.]. Белая Орда, расположенная в степях северо-восточного улуса, оказалась относительно изолирована от разорительных последствий чумы, косившей население в центральных и западных регионах. В отсутствие массовых эпидемий и социального упадка многие жители этих территорий, видя в Уресе более стабильного и защищённого правителя, начали переходить на его сторону, укрепляя тем самым его власть и ресурсы. Белая Орда находилась в стороне от климатических последствий Малого ледникового периода, затронувших южные и западные регионы Евразии, что обеспечило ей относительную экономическую стабильность и позволило Урус-хану укрепить свою власть.

Малый ледниковый период, начавшийся в XIV веке, пришёлся на правление хана Жанибека (1342–1357) в Улусе Джучи и стал особенно ощутим в годы после его смерти, в эпоху Великой заматни (1359–1380-е), когда Золотая Орда переживала политический кризис и гражданские войны. Похолодание привело к падению урожайности, массовому падежу скота, ухудшению условий кочевого скотоводства, ослаблению торговли и миграциям населения, что усугубило нестабильность в степях и ускорило деструктивные процессы внутри государства.

Правление хана Джанибек и научный прогресс его правления отметил Морис Росаби: Ильханиды превосходили другие монгольские ханства в исламском мире, в частности Золотую Орду и Чагатаидов. Тем не менее, культура Золотой Орды и Чагатаидского ханства, несмотря на то что о научной жизни в этих государствах сохранилось мало сведений, демонстрирует

некоторые черты научного обмена, схожие с теми, что наблюдаются в других регионах. Опустошительные последствия бубонной чумы XIV века, возможно, затормозили развитие культурной жизни в Золотой Орде. Однако в описании Старого Сарая Ибн Баттута упоминает приют Нумана ад-Дина аль-Хорезми – учёного-медика, с которым он там встретился. В столице Золотой Орды середины XIV века – Новом Сарая – существовала развитая сеть каналов и водохранилищ. Эти строительные инициативы стали каркасом для интеллектуальной жизни. В городе Хорезм (он же Куния-Ургенч), который тогда входил в состав Золотой Орды, Ибн Баттута нашёл больницу, во главе которой стоял директор по имени аль-Сахьюни, родом из города Сахьюн в Сирии. Улус Джучи принимала у себя выдающихся учёных, занимавшихся философией и каламом (рациональным богословием, направленным на осмысление природы Бога), областями, связанными с естественными науками. Кутб ад-Дин ар-Рази (ум. 1365) был активен при дворе Золотой Орды, а Са'д ад-Дин ат-Тафтазани (ум. 1389), родившийся в Хорасане, посвятил хану Жанибеку (правил в 1342–1357) свой труд Талхис аль-Мифтах («Краткое изложение „Ключа“»). Жанибек также стал адресатом комментария Камала ад-Дина ат-Туркмани, родившегося в Каире, к труду Джагмини аль-Мулаххас — исламскому введению в астрономию Птолемея, вызвавшему интерес у многих учёных. Присутствие в ханстве Золотой Орды учёных, родившихся в других регионах, свидетельствует не только о наличии развитой культурной жизни, но и о высоком уровне интеллектуального обмена между регионами [14, с. 55.]. Чрезмерно религиозная жизнь Узбек-хана оставила свой отпечаток на его сына Джанибека.

Лейн также ссылается на Хоуорза, «Гюлистан и Ирам», Бакиханова и Никоновскую летопись, которые сообщают, что Бердибек собственноручно убил своего отца Джанибека после того, как тот назвал его своим преемником, когда возвращался из Тебриза. Сообщалось, что полководец Тулугбек посоветовал Бердибеку поторопиться с переворотом, чтобы отец не успел изменить свое направление [16, с.139.].

Другой британский историк Чарльз Тернер пишет, что при Джанибеке Золотая Орда присоединила часть Азербайджана. В то же время именно при его правлении стали проявляться явные тенденции к распаду государства, а с востока пришла чума 1346-го года. В ходе войны монголы с помощью катапульта обстреляли генуэзские фактории на севере Причерноморья, что негативно сказалось на обеих сторонах – и на осаждавших, и на защищавшихся [18, с. 101.]. Эти события показали, что Орда испытывает явный упадок, искусство осады снизилось, и, хоть монголы всё ещё могли одерживать победу в поле, говорить о дальнейшем завоевании Европы уже не представлялось возможным. Как Кордовский халифат ограничился пределами Испании и не распространил своё влияние на остальную Европу, так и Улус Джучи ограничился взаимодействием преимущественно с Русью. Отсутствие устойчивого влияния на Европу как со стороны Кордовского халифата, так и со стороны монголов объясняется не столько нехваткой военной мощи, сколько совокупностью факторов, включая неспособность их политических и социальных моделей эффективно адаптироваться к новым условиям. Исторический опыт этих государств подтверждает тезис о том, что для успешной экспансии необходимо не только военное превосходство, но и наличие действенных механизмов интеграции завоёванных территорий, которыми ни арабы в Испании, ни монголы в Европе в полной мере не располагали. Хан Джанибек стал жертвой не только чумной эпидемии, но и климатических изменений, связанных с Малым ледниковым периодом. Захват Азербайджана при этом оказался скорее следствием удачного стечения обстоятельств, вызванных внутренними смутами при дворе Малика Ашрафа, нежели результатом тщательно спланированной и стратегически выверенной военной кампании. Жан-Поль Ру писал, что эпидемия чумы вынудила Золотую Орду отказаться от всех военных предприятий, однако она сумела воспользоваться анархией в Иране и занять азербайджанские земли (Ру, 2005: 488). Таким образом, отказ Золотой Орды от части военных предприятий вряд ли можно объяснять исключительно эпидемией чумы, поскольку к тому времени проявились и более глубокие военно-технические и политические ограничения ордынской экспансии. Чагатайский улус и Ильханат в большей степени обладали

возможностями для адаптации к новым военно-политическим вызовам, поскольку были теснее связаны с регионами развитой городской и оседлой культуры, а также с традициями государственности, административного управления и осадной войны. В отличие от них, Золотая Орда в значительной мере опиралась на кочевую среду Дешт-и Кыпчака и на тюркские степные элементы, чьи военно-политические преимущества особенно ярко проявлялись в условиях мобильной войны, но были менее эффективны в длительных осадных кампаниях и в противостоянии укрепленным оседлым центрам. Кроме того, демографическая и экономическая база Золотой Орды в ряде регионов уступала более урбанизированным районам Ильханата и, отчасти, Чагатайского улуса, что также ограничивало её возможности в преодолении новых вызовов. Именно эти структурные слабости Золотой Орды во многом стали одной из причин победы Амира Тимура над Тохтамышем.

Историк из США Джон Сондерс, опираясь на точку зрения Бертольда Шпулера, считает, что поход Джанибека на Тебриз был ответной мерой на захват турками Дарданелл в 1355 году. Понимая, что Улус Джучи потерял прямой путь к Средиземноморью и Египту, хан пытался прорваться на юг через Азербайджан и Сирию. Однако Сондерс говорит про чрезмерное мудрствование Шпулера при интерпретации такого мотива, указывая на то, что главными задачами Джанибека были борьба за влияние в регионе и контроль над караванными путями, а не простой ответ на действия турок. Он также говорит, что Азербайджан был яблоком раздора между Персией и Кипчаками. Далее Сондерс указывает на слабость сына Тыныбека [19, с. 230.]. Возможно, Шпулер излишне усложнил картину, пытаясь всё объяснить с помощью простой конструкции «удар в ответ», тогда как на деле Египет был лишь второстепенным, сиюминутно полезным союзником для Джучидов. Ранее с ним был заключен лишь короткий военный союз при Берке и Бейбарсе, но со временем такого рода связи потеряли значение для Улуса Джучи. Поход на Тебриз был, скорее, борьбой за влияние в регионе, а не прямым ответом на турецкие действия на Дарданеллах.

Ю. Почекаев в книге «Цари Ордынские» указывает, что ордынские лекари не смогли вылечить Джанибека, и его мать Тайдула обратилась за помощью к митрополиту Алексию, славившемуся своим целительством при дворе Орды. Ханша, не смея сообщить о болезни правителя напрямую, написала, будто сама нуждается в исцелении из-за заболевания глаз. Эти сведения впоследствии проникли в русские летописи. Митрополит посетил Орду, но его старания оказались напрасными – болезнь продолжала прогрессировать [9, с.138.]. Историю об исцелении Тайдулы митрополитом Алексием следует рассматривать в контексте средневековой агиографической традиции, основной целью которой было возвеличивание роли церковной власти, а не фиксация реальных медицинских заслуг духовных лиц. Хенри Ховорз отмечал, что, несмотря на то что Джанибек захватил престол посредством убийства, его правление отличалось образцовостью и высоко оценивалось восточными авторами за мудрость и справедливость. По словам ибн Хайдара, Джанибек был справедливым, богобоязненным правителем и покровителем достойных людей. Подобно своему отцу, он оказывал активную поддержку учёным, которые в большом числе приезжали в Сарай в годы его правления. После вступления на престол князя Руси, в частности Симеон, были приняты с почетом, тогда как митрополит Феогност подвергся задержанию и оказался под давлением с целью обложения духовенства налогами. Согласно Ховорзу, митрополиту удалось убедить хана ограничиться единовременной выплатой в размере 600 рублей [3, с. 173.]. Шпулер уточняет, что эта сумма стала компенсацией прежней задолженности, тем самым формализуя соглашение между ханом и церковью [15, с. 99.]. Ю. Почекаев подчёркивает, что, несмотря на налогообложение церкви, ханша Тайдулла сумела смягчить последствия решения, запретив русским князьям вмешиваться в дела духовенства. Тем самым хан продемонстрировал верховную власть, а ханша — милосердие, благодаря чему вошла в летописную традицию как заступница православной церкви [9, с.133.].

Тернер, ссылаясь на летописца Му'йад ад-Дина Натанзи, сообщает, что через полгода после восшествия Бердибека хан Джанибек заболел. Тоглу-бай, один из столпов его двора, спешно

вызвал Бердибека из Азербайджана, рассчитывая на его скорое восшествие на престол. Бердибек покинул Азербайджан и с небольшим сопровождением прибыл к Тоглу-баю. В это время Джанибеку стало лучше, и, узнав о возвращении сына, он потребовал Тоглу-бая на аудиенцию. Тот, опасаясь разоблачения, с помощью заговорщиков убил Джанибека и возвёл на престол Бердибека. Бердибек ликвидировал всех других царевичей, пощадив лишь грудного брата, но вскоре убил и его, несмотря на мольбы Тайдула хатуни. Он правил всего три года и вскоре сам потерял трон, что означало конец правящему роду Кок Орды [18, с. 105]. Неизвестно, к каким племенам принадлежал Тоглу-бай. Ю. Почекаев, описывая отношения с митрополитом Алексием, указывает, что новый правитель повёл себя по отношению к нему достаточно благожелательно. Уже в первые дни своего правления Бердибек выдал ярлык, полностью восстанавливающий льготы и привилегии русского духовенства. Возможно, таким образом хан — сознательно либо подсознательно — выражал митрополиту свою благодарность за то, что тому не удалось исцелить его отца [9, с.139.]. Бердибек, по-видимому, владел лишь поверхностными знаниями норм шариата. Об этом, в частности, свидетельствует его распоряжение вернуть налоговые льготы, что по сути означало отмену джизьи. Судя по всему, принц при легитимации своей власти опирался главным образом на старшинство, а не на политический талант. Отмена налога джизьи для Русской православной церкви в период правления хана Бердибека [1357–1359] может рассматриваться как симптом ослабления позиций ислама как государственной идеологии в Золотой Орде. Хотя ислам официально сохранял статус доминирующей религии, подобные шаги свидетельствуют о постепенной секуляризации ханской власти и об усилении прагматических, а не религиозных, мотивов в управлении разнородным населением.

Смерть Узбека (1341) и убийство Тинибека прервали налаживавшиеся контакты между Авиньоном и Сараем. Новый хан Джанибек поначалу не проявлял прежней благосклонности к христианам, о чём папу Климента VI информировал францисканец Илия. В булле *Ad sedem apostolicam* папа призывал Джанибека сохранить политику религиозной терпимости, однако тот, развернув репрессии против итальянских купцов и начав войну против Каффы, оставил папское приглашение без ответа. Лишь после неудачной войны с генуэзцами хан вернулся к курсу конфессиональной терпимости [20, с.86.]. Джанибек, будучи относительно «новым» правителем на золотоордынском престоле, унаследовал уже во многом завершённый процесс исламизации правящей элиты, который при нём достиг своего апогея и придал политике Орды более жёсткую конфессиональную окраску. Вместе с тем война с итальянскими колониями показала хану, что религиозно мотивированная конфронтация с латинянами не приносит реальных выгод, а ведёт лишь к торговым и финансовым потерям; поэтому его последующее возвращение к практике религиозной терпимости следует объяснять не только военными неудачами, но и осознанием экономической бессмысленности продолжения конфликта.

Ислам при хане Джанибеке. Без сомнений, монголы Улуса Джучи практиковали ислам с явными чертами народных верований, что контрастировало с суфийской традицией. Историк Де Виз, ссылаясь на Демидова, пишет, что Хорезмийский суфий Гёзли Аты, по одним версиям, жил и проповедовал в горах Балхана (на востоке Каспия, на территории современного Туркменистана). Другие рассказывают, что до этого он находился при дворе хана Джанибека в Сарае. Там ему дали монеты и хлеб за зикр и монаджат, но он взял лишь хлеб, что разгневало хана. Ночью чилтаны явились хану и заставили смягчиться, возвратить Гёзли Аты и выдать за него свою дочь Аксил. В итоге Гёзли Аты с женой покинули Сарай и поселились в горах Балхана [21, с. 143.]. С традиционной, ортодоксальной точкой зрения, суфийские сюжеты с чудесами — это своего рода «народное мифотворчество», целью которого было возвеличить духовных лиц и укрепить веру людей. В суннитской традиции главнейшим критерием истины считаются Коран и сунна, а всяческие сверхъестественные истории должны соотноситься с ними. Социально суфии сыграли главнейшую роль в распространении ислама, смягчая восприятие новой веры, но с позиции строгого ислама такого рода сюжеты считаются вымыслом либо аллегорией, а не

точными фактами. Европейская историография в целом слабо учитывает вопросы теологии ислама и недостаточно глубоко разбирает эту сторону средневековых процессов.

Вопрос материальной культуры, связанной с ханом Джанибеком, в том числе судьба предполагаемой короны, стал предметом отдельного внимания в историографии, особенно в работах Н. Савельева. По его данным, в 1836 году Г. Цвик увёз корону из России в Германию. В 1839–1840 годах её вместе с коллекцией монет за 1000 талеров приобрёл Восточный кабинет в Йене через И. Штикеля. Тогда же в прессе появилась информация о «короне хана Джанибека, найденной в руинах Сарая». С 1850-х годов русские археологи безуспешно пытались получить её изображения; рисунки были опубликованы лишь в 1906 году, одновременно с первыми фотографиями. В том же году К. Фоллерс опубликовал отчёт Штикеля с гипотезой о принадлежности короны самому Джанибеку. Позднее её следы теряются: М.А. Очир-Горяева связывала это с Второй мировой, Ш. Хайдеман — с Первой. В 2000-х Ш. Хайдеман опубликовал фотографии короны, а вместе с прорисовками А.А. Спицына это позволило ввести предмет в научный оборот. Хотя сам артефакт оказался скромным золотым украшением, названным Спицыным «бляшкой», его значение было велико: он привлёк внимание к руинам у Царевского городища и стал толчком к первым археологическим раскопкам [22, с. 75.]. Необходимо учитывать, что традиция ношения корон была чужда монгольской аристократии, особенно в контексте Монгольской империи и её наследников — Юань и Улуса Джучи, где сохранялись кочевые и антиклерикальные нормы. У монгольских ханов отсутствовала практика громких почётных титулов и эпитетов. Прозвище «Добрый» Джанибек получил только в русской церковной традиции, что восходит к византийской и западноевропейской модели именования правителей. В самой же Орде память о ханах чаще сохранялась в воспоминаниях о «спокойствии» и «достатке» во время их правления. Так, период правления Джанибека воспринимался как последний этап относительно стабильного существования до начала кризисов. Подобные эпитеты сохранялись и в более поздней постордынской исторической памяти: например, эпоху правления хана Тэуке в Казахском ханстве называли «қой үстiне бозторғай жұмыртқалаған заман» – временем крайнего спокойствия и порядка.

Ещё один предмет материальной культуры – шлем, приписываемый хану Жанибеку, был рассмотрен Л. А. Бобровым и М. Ю. Рюминым. Исследователи пришли к выводу, что данный артефакт, вероятнее всего, принадлежал не Джанибеку Золотоордынскому, а одноимённому соратнику Мухаммеда Шайбани [23, с. 117]. У разных эпох и государств есть свои «Джанибеки», и именно поэтому в историографии всё время возникает путаница. Золотоордынский хан Джанибек (правление ок. 1342–1357 гг.) — это джучидский правитель Улуса Джучи, связанный с исламизацией знати, укреплением центральной власти и походом в Иран; именно о нём обычно говорят, когда обсуждают «расцвет» или «последний подъём» Золотой Орды. Астраханский хан Джанибек (Джаибек) – более поздний правитель астраханского улуса/ханства, действовавший уже в условиях распада ордынского пространства; его иногда ошибочно отождествляют с золотоордынским Джанибеком или переносят на него события середины XIV в., хотя речь идёт о совершенно другом политическом контексте. Казахский хан Жәнібек – один из основателей Казахского ханства вместе с Керей ханом, потомок джучидской династии, но живший в XV веке и связанный уже с процессами формирования казахской идентичности и отделения от узбекского улуса. Наконец, узбекский соратник Шайбани (один из эмиров/султанов по имени Джанибек) относится к окружению Мухаммеда Шайбани и истории Шайбанидского государства в Мавераннахре на рубеже XV–XVI вв. Совпадение имён и общая джучидско-узбекская генеалогическая традиция приводят к тому, что в популярной литературе, переводах и даже в отдельных научных работах действия астраханского, казахского или шибанидского Джанибека по ошибке приписываются золотоордынскому хану Джанибеку, что создаёт серьёзную хронологическую и политическую путаницу и требует специального историографического разъяснения.

Заключение Европейская историография хана Джанибека представляет собой сложный и многослойный нарратив, в котором сочетаются как восприятие Золотой Орды сквозь призму внешнеполитических и торговых контактов, так и попытки интерпретации его правления в контексте исламизации и внутренней централизации власти. Историки, начиная с XIX века и особенно в трудах XX–XXI столетий, отмечают, что именно при Джанибеке Золотая Орда пережила важные трансформации — от упрочнения ислама как государственной идеологии до активизации дипломатических и военных инициатив на Кавказе и в Причерноморье. Особое внимание уделяется также антиевропейской политике Джанибека, связанной с временным разрывом торговых отношений с Генуей и Венецией, что западные источники интерпретируют как проявление религиозного ригоризма и политического прагматизма. При этом современные европейские исследователи всё чаще признают вклад Золотой Орды в интеллектуальную и культурную историю средневекового Востока, отмечая, что при Джанибеке наблюдается приток учёных, развитие научной инфраструктуры и интеллектуальных связей. Таким образом, образ Джанибека в европейской историографии прошёл путь от военного деспота до культурного и религиозного реформатора, что отражает более широкий пересмотр роли Золотой Орды в истории Евразии.

Список использованной литературы:

1. Грачев, А. И. Поход хана Джанибека в Иран в 1356–1357 гг. Анализ и реконструкция хронологии событий / А. И. Грачев // Золотоордынская цивилизация. – 2011. – № 4. – С. 47-58. – ЭДН РВТГУЗ. Стр. 101.
2. Грачев, А. И. О «управлении» хана Джанибека в Джурджане / А. И. Грачев // Нумизматика Золотая Орды. – 2011. – № 1. – С. 94-102. – ЭДН РУЖКСН. Стр 55-56.
3. Генри Ховорз. История монголов: с IX по XIX век. Лондон. Лонгманс, Грин и компания (1880) с.127
4. Favereau Marie. The Horde : how the Mongols changed the world /. Cambridge, Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 2021.»
5. Жан Поль Ру. История империи монголов. Пер. с фр. З.З Сажиновой; науч. Ред. П. Б. Коновалов, С. Ш. Чагдуров. -Улан Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета
6. Пилипчук Я. В. Хан джанибек и князь Любарта-Дмитрий //Золотоордынское обозрение. – 2013. – №. 2. – С. 73-100.
7. Штулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.
8. Груссе Р. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. Перевод с французского Вила Мирзаянова. 2001. Казань.
9. Почекаев Р. Ю.: Цари ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды. Издательство Евразия.2019.
10. Ерофеева, И. В. «„Добрый“ или „Святой“ Джанибек-хан (1342–1357) в устной исторической памяти кочевников-казахов» // Золотоордынское обозрение. 2021. Вып. 1. С. 149–165.
11. Мұрат Мәңкеұлы. – Алматы: «Ана тілі» баспасы ЖШС, 2013. – 288
12. Франкопан П. : Как менялась Земля. Нерассказанная история. Издательство Steppe and World publishing. 2024.
13. Массинг, Жан Мишель; Альбукерке, Луис де; Браун, Джонатан; Гонсалес, Джей Джей Мартин (1 января 1991 г.). Около 1492 года: Искусство в эпоху открытий. Издательство Йельского университета. п. 29.
14. The Cambridge History of the Mongol Empire 2 Volumes. – Cambridge University Press, 2023. Biran M., Kim H. (ed.).
15. Бертольд Штулер. Золотая Орда. Монголы на Руси. Пер. с нем. С.Ю. Чупрова. -М. ЗАО Центрполиграф, 2024.

16. Лейн Джордж. *Краткая история: Монголы*. [пер. с англ. Т. А. Сафина]. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.-304 с.
17. Аширбек Муминов, Селехаддин Уйгур, Зафар Нажмиддинов. *Золотая Орда в произведениях Османской историографии (XVI-XVII вв.)*. Астана. 2023 год
18. Тернер Чарльз, Чингизиды. *Великие ханы Монгольской империи*. Москва; Издательство АСТ, 2024.
19. Сондерс Джон. *История монгольских завоеваний. Великая империя кочевников от опоры до упадка*. Издательство ЦЕНТР Полиграф. 2020.
20. Хаутала Р. *В землях «Северной Тартарии»: сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341)* – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 976 с.
21. Девин ДеВиз. *Хорезмийский святой в Золотой Орде: Козлюк-Ата (Гозли-Ата) и социальные векторы исламизации*. Стр. 143. 2018 год. *Золотая Орда и исламизация евразийских степей*
22. Савельев, Н. И. *Корона Джанибека» в отечественной и зарубежной историографии* / Н. И. Савельев // *Российская археология*. – 2013. – № 2. – С. 67-76. – EDN QYPLZX.
23. Бобров Л. А., Рюмишн М. А. «Шлем хана Джанибека» из собрания Музея искусств Метрополитен» // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – 2014. – Т. 20. – С. 115–117.

References:

1. Grachev, A. I. *Pokhod khana Dzhanibeka v Iran v 1356–1357 gg.: analiz i rekonstruktsiya khronologii sobytiiy* [The campaign of Khan Janibek to Iran in 1356–1357: Analysis and reconstruction of the chronology of events]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, 2011, no. 4, s. 47–58. EDN RVTGUZ.
2. Grachev, A. I. *O “upravlenii” khana Dzhanibeka v Dzhurdzhane* [On the “governance” of Khan Janibek in Jurdjan]. *Numizmatika Zolotoy Ordy*, 2011, no. 1, s. 94–102. EDN RUZHKSJN.
3. Howorth, Henry. *Istoriya mongolov: s IX po XIX vek* [History of the Mongols from the 9th to the 19th Century]. London: Longmans, Green & Co., 1880, s. 127.
4. Favereau, Marie. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2021.
5. Zhan-Pol’ Ru. *Istoriya imperii mongolov* [History of the Mongol Empire]. *Per. s fr. Z. Z. Sazhinovoj; nauch. red. P. B. Konovalov, S. Sh. Chagdurov*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta.
6. Pilipchuk, Ya. V. *Khan Dzhanibek i knyaz’ Lyubartas-Dmitriy* [Khan Janibek and Prince Liubartas-Dmitrii]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2013, no. 2, s. 73–100.
7. Shpuler, B. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* [The Golden Horde: The Mongols in Russia, 1223–1502]. *Perevod s nem. yaza i komment. M. S. Gatina*. Kazan’: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2016.
8. Grusse, R. *Stepnye kochevniki, pokorivshie mir. Pod vlast’yu Attily, Chingiskhana, Tamerlana* [Nomads of the steppe who conquered the world: Under the rule of Attila, Chinggis Khan, Tamerlane]. *Perevod s frantsuzskogo Vily Mirzayanova*. Kazan’, 2001.
9. Pochekaev, R. Yu. *Tsari ordynskie: biografiya khanov i pravitelej Zolotoy Ordy* [The tsars of the Horde: A biography of the khans and rulers of the Golden Horde]. *Izdatel’stvo Evraziya*, 2019.
10. Erofeeva, Irina Viktorovna. “Dobryj” ili “Svyatoj” Dzhanibek-khan (1342–1357) v ustnoj istoricheskoy pamyati kevnikov-kazakhov [“Kind” or “Holy” Janibek Khan (1342–1357) in the oral historical memory of Kazakhs]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, vyp. 1, 2021, s. 149–165.
11. Murat Monkeuly. *Murat Monkeuly* [Murat Mönkeuly]. Almaty: “Ana tili” baspasy ZhShS, 2013. 288 s.
12. Frankopan, Peter. *Kak menyalas’ Zemlya: nerasskazannaya istoriya* [The Earth Transformed: An Untold History]. *Izdatel’stvo Steppe and World Publishing*, 2024.

13. Massing, Jean Michel; Albuquerque, Luis de; Brown, Jonathan; Gonzales, J. J. Martin. *Okolo 1492 goda: iskusstvo v epokhu otkrytiy [Around 1492: Art in the Age of Discovery]*. Yale University Press, 1991, p. 29.

14. *The Cambridge History of the Mongol Empire. Volume I: History; Volume II: Sources.* 15. Shpuler, Bertold. *Zolotaya Orda. Mongoly na Rusi [The Golden Horde: The Mongols in Rus']*. Per. s nem. S. Yu. Chuprova. Moskva: ZAO Tsentrpoligraf, 2024.

16. Lane, George. *Kratkaya istoriya: Mongoly [A Short History: The Mongols]*. Per. s angl. T. A. Safina. Moskva: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. 304 s.

17. Ashirbek Muminov; Selekhattin Ujgur; Zafar Nazhmiddinov. *Zolotaya Orda v proizvedeniyakh Osmanskoj istoriografii (XVI–XVII vv.) [The Golden Horde in works of Ottoman historiography (16th–17th centuries)]*. Astana, 2023.

18. Terner, Charl'z. *Chingizidy: velikie khany Mongol'skoj imperii [The Chinggisids: The great khans of the Mongol Empire]*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2024.

19. Saunders, John. *Istoriya mongol'skikh zavoevanij: velikaya imperiya kochevnikov ot voskhozhdeniya do upadka [The History of the Mongol Conquests: The great nomadic empire from rise to decline]*. Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2020.

20. Hautala, R. *V zemlyakh "Severnoy Tartarii": svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoj Orde v pravlenie khana Uzbaka (1313–1341) [In the Lands of "Northern Tartary": Latin Sources on the Golden Horde during the Reign of Khan Özbek (1313–1341)]*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2019. 976 s.

21. DeWeese, Devin. *Khorezmijskij svyatoj v Zolotoj Orde: Kozlyuk-Ata (Gozli-Ata) i sotsial'nye vektory islamizatsii [A Khorezmian saint in the Golden Horde: Qozlyuk-Ata (Gözli-Ata) and the social vectors of Islamization]*. *Zolotaya Orda i islamizatsiya evraziyskikh stepey [The Golden Horde and the Islamization of the Eurasian Steppes]*, 2018, s. 143.

22. Savel'ev, N. I. "Korona Dzhanibeka" v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii ["Janibek's crown" in Russian and foreign historiography]. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2013, no. 2, s. 67–76. EDN QYPLZX.

23. Bobrov, L. A.; Ryumshin, M. A. "Shlem khana Dzhanibeka" iz sobraniya Muzeya iskusstv Metropoliten ["Khan Janibek's helmet" from the collection of the Metropolitan Museum of Art]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij*, 2014, t. 20, s. 115–117.